

ПЛОДЫ ПОЛИТИКИ США В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Author: [IWPR Central Asia](#)

Лидеры центральноазиатских государств пользуются своим участием в «войне с террором», чтобы легализовать собственную авторитарную политику.

По мнению местных и международных наблюдателей, отношения между США и странами Центральной Азии – ключевыми союзниками Вашингтона в его «войне с террором» - заведомо неверно преподносятся общественности и эксплуатируются их правящими режимами, чьи действия дестабилизируют обстановку в регионе.

Авторитарные лидеры центральноазиатских государств, в особенности Узбекистана, являющегося наиболее серьезным игроком в регионе, продолжают упорно игнорировать призывы пересмотреть свою политику в области прав человека. Они не слышат – или не желают слышать – сигналы из Вашингтона о необходимости политических реформ, продолжая полагать, что, как важнейшим партнерам США, им все сойдет с рук.

США продолжают спонсировать программы развития демократии и гражданского общества в Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане, Узбекистане, а также – насколько это возможно – в Туркменистане. Официальный Вашингтон продолжает утверждать, что делает все возможное для поддержки процесса реформ в этих государствах.

Однако, как отмечают многие наблюдатели, эти позитивные инициативы в последние годы отошли на второй план, а во главу угла встали вопросы военно-технического сотрудничества. Отношения выстраиваются в зависимости от готовности того или иного государства предоставить в пользование США базы ВВС и другие военные объекты. В результате региональные режимы чувствуют себя вправе игнорировать призывы к демократическим преобразованиям, продолжая проводить свою опасную политику.

«Главным для Запада является достижение стабильности в Центральной Азии. А стабильность связывается с авторитарными режимами. Какое-то давление [для проведения демократических реформ] оказывалось, оказывается и будет оказываться. Но эта не та гиря, которая может перевесить интересы стабильности и экономические интересы», - считает эксперт московского Центра Карнеги Алексей Малашенко.

Если Западу не удастся убедить центральноазиатских лидеров в необходимости преобразований, они своими действиями могут создать почву для возникновения в будущем массовых народных волнений и даже кровопролитных конфликтов в этом преимущественно мусульманском регионе.

Помощник Госсекретаря США по вопросам демократии, прав человека и занятости Лорн Крейнер сказал IWPR, что в Вашингтоне прекрасно понимают причинно-следственную связь между нищетой, репрессиями и экстремизмом. «Терроризму нет оправданий, но мы отдаем себе отчет в том, что репрессивные режимы, где отсутствует экономическое развитие, зато широко распространена маргинализация отдельных групп и слоев общества, являются рассадниками терроризма. Это – неоспоримый факт. Вот почему мы будем и впредь содействовать процессу преобразований».

Уязвимость центральноазиатских государств отчетливо проявилась 28 и 29 марта, когда по столице Узбекистана прокатилась волна нападений на сотрудников милиции, в результате чего есть человеческие жертвы. В городе Бухара, что находится на западе страны, прогремел взрыв, который, по мнению правоохранительных органов, связан с ташкентскими событиями. По предварительным данным погибли 10 человек. Старший следователь Рашид Кадыров всю вину возложил на исламских экстремистов, а министр иностранных дел Садык Сафаев заявил, что

«данные теракты по своему характеру сходны с теми, которые происходили ранее в некоторых зарубежных государствах». 30 марта, когда готовился этот материал, на окраинах Ташкента еще продолжалась перестрелка.

Эксперты, с которыми удалось побеседовать IWPR, сходятся во мнении, что прямая угроза массовых вооруженных выступлений со стороны действующих радикальных исламских групп, таких, как Исламское движение Узбекистана (ИДУ) и «Хизб-ут-Тахрир», пока отсутствует, но существующие и новые исламские организации могут сыграть решающую роль в том случае, если недовольство социально-экономическим положением выльется в массовые народные волнения.

Молодежь тянется к радикальным группировкам из-за отсутствия других возможностей выразить свое недовольство существующим порядком. Видя, как Запад поддерживает коррумпированные, антинародные режимы, мусульмане лишь укрепятся в уверенности, что демократия – во всяком случае, в том виде, в каком ее преподносят лидеры центральноазиатских государств – «не работает» и никогда не будет работать.

По мнению местных и международных экспертов, ухудшение материального положения населения в результате отсутствия экономических реформ и сопутствующий обнищанию масс рост недовольства правящим режимом при отсутствии возможностей для выражения этого недовольства сыграют на руку тем самым экстремистским группировкам, против которых борются США.

Пресс-секретарь премьер-министра Узбекистана Малик Кадыров не согласен с утверждением о том, что ухудшение экономического положения при отсутствии возможностей для выражения недовольства лишь способствует распространению радикальных исламских идей. «Да, такое мнение высказывалось, но мы не согласны», - заявил он IWPR.

В отношениях между странами региона существует напряженность, и проявляется она по-разному – то в виде искусственно создаваемых проблем, таких, как торговые барьеры и пограничные споры, то в виде борьбы за контроль над жизненно важными источниками энергии и водными ресурсами. Нестабильность в Центральной Азии неизбежно затронет и соседние с ней государства.

В 2002 году, когда контуры будущей политики США в регионе лишь начинали вырисовываться, IWPR опубликовал отчет, где говорилось, что под прикрытием своего внешнеполитического альянса с Западом режимы Центральной Азии ведут наступление на гражданские свободы вообще и своих политических оппонентов в частности – и происходит это по всему региону.

Прошло два года, но мало что изменилось.

В данном отчете мы сосредоточим внимание не столько на сути и нюансах политики США, сколько на том, как эта политика интерпретируется – и зачастую искажается – правящими режимами Центральной Азии.

Мы попытались объективно отразить различные – часто диаметрально противоположные – мнения, высказанные нашими респондентами в Центральной Азии, среди которых государственные чиновники, политологи, журналисты, представители различных слоев общества, по поводу возможных последствий американского присутствия в регионе. Нас интересовало, как эти люди понимают политику США, как, на их взгляд, отражается она на поведении правящих режимов и каковы могут быть ее последствия для региона. С этими же вопросами мы обратились к международным экспертам по Центральной Азии.

В ходе своего визита в Узбекистан во второй половине февраля 2004 г. Министр обороны США не скупился на похвалу узбекскому руководству за оказанную Вашингтону поддержку в его «войне с террором». «Наши связи прочны, и они продолжают укрепляться», - сказал он на пресс-конференции по результатам переговоров с руководителями узбекского государства.

Визит Рамсфельда указывает на свершившийся факт консолидации того, что начиналось как предоставление баз ВВС в Узбекистане и соседнем Кыргызстане во временное пользование США и их союзникам по коалиции в «войне с террором» в Афганистане.

На следующий же день после выступления Рамсфельда другая структура администрации США распространила отчет с критикой в адрес Узбекистана и его соседей по региону в связи с фактами нарушения ими политических и гражданских свобод. В ежегодном отчете Госдепартамента США о ситуации с правами человека по всему миру Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан выглядели сравнительно неплохо лишь на фоне своих соседей по региону – Узбекистана и Туркменистана, где дела обстояли еще хуже. Уже не в первый раз выражалась особая озабоченность положением в Узбекистане, где соблюдение прав человека «находится на очень низком уровне» и государство продолжает допускать «многочисленные серьезные нарушения».

В отчете, в частности, говорится: «По всей вероятности, бесчеловечное обращение со стороны сотрудников органов безопасности явилось причиной гибели в местах лишения свободы как минимум четырех человек. Отмечаются многочисленные случаи применения пыток, избиений и угроз в адрес граждан со стороны сотрудников милиции и СНБ [Службы национальной безопасности]... Серьезные нарушения отмечаются в местах досудебного заключения. Очень немногие лица, виновные в документально засвидетельствованных нарушениях, понесли наказание».

При всей своей противоречивости подобная политика сама по себе не нова. США – не единственное государство, поддерживающее военно-экономические связи с иностранным партнером, при этом закрывая глаза на характер его политической системы.

Новым в случае с Центральной Азией является лишь то, что отношения с этими еще молодыми, неокрепшими государствами помещены в более широкий контекст «войны с террором».

Военные кампании в Афганистане и Ираке сопровождались политическими заявлениями со стороны США и Великобритании о стабилизации обстановки в различных странах и регионах не только за счет нейтрализации экстремистских группировок, но и благодаря ликвидации самих условий возникновения радикальных настроений. Формирование прочных, представительных политических институтов рассматривается в качестве основного средства достижения стабильности. Такова основная идея политики, проводимой США и их союзниками. Не случайно, что несмотря на нестабильность обстановки, и в Афганистане, и в Ираке первым делом были назначены выборы.

Однако, судя по высказываниям наших респондентов в Центральной Азии, именно эта мысль не была воспринята странами региона. Вместо этого некоторые из наших респондентов считают политику США непоследовательной и даже лицемерной, зависящей от внешнеполитической конъюнктуры.

Многие также отмечают явное расхождение между политикой Госдепартамента и Пентагона. По словам корреспондента газеты «Московские новости» Санобар Шерматовой, это проявляется в том, что пришли в конфликт две составляющие внешней политики США – претворение в жизнь геополитических интересов и поддержка демократии в других странах.

Некоторые проводят параллели между своими собственными режимами и «однопартийными» государствами, рассматриваемыми Западом как источники нестабильности. «Меня это тоже удивляет: американцы разрушают режим Саддама, но терпят Каримова и Ниязова. Думаю, все дело в нефтяных или других ресурсах той или иной страны», - сказал журналист из города Шымкента, что на юге Казахстана, Ринат Хамидулин.

Нередко высказываются также предположения о том, что главной целью США является нефть, и что Вашингтон действует в соответствии с разработанной им долгосрочной стратегией нейтрализации традиционно сильного влияния России в центральноазиатском регионе с одновременным недопущением прихода ей на смену Китая. Некоторые респонденты высказывают даже теории о некоем тайном заговоре, что указывает на общий недостаток публичной информации в регионе.

Но не все высказывания носили негативный характер. В частности, руководитель кыргызстанской коалиции НПО «За демократию и гражданское общество» Эдиль Байсалов положительно расценивает присутствие США в своей стране. «К присутствию США в регионе и конкретно в Кыргызстане я отношусь положительно. Терроризм не кончится никогда. Трудно предсказать, что будет лет через 10 - уйдут США из региона, или останутся», - сказал он. По мнению Байсалова, одним из положительных моментов после событий сентября 2001 г. является то, что Запад продолжил финансирование программ демократического развития в Кыргызстане. «Это - благо для всей страны, а не только для президента Кыргызстана Акаева или его узбекского коллеги Каримова».

В качестве основного стратегического партнера для своих стран респонденты как в Кыргызстане, так и в Казахстане и Таджикистане склонны рассматривать Россию, полагая, что партнерство с Россией способно стать противовесом американскому влиянию, или сдержать его. Это касается, в том числе, и сферы прав человека и политических свобод.

Респонденты часто возвращались к теме Узбекистана и его роли в качестве главного союзника США в регионе. Один кыргызский дипломат, пожелавший остаться неназванным, высказался следующим образом: «Вашингтон назначил Ташкент своей любимой женой в центральноазиатском гареме».

Только два государства региона предоставили свои военные базы для дислокации ВВС США - Узбекистан и Кыргызстан. Другие, как минимум, предоставили ВВС США право пролета над своей территорией (Туркменистан). Казахстан и Таджикистан тоже предложили США воспользоваться базами ВВС на своей территории, а также выдвинули ряд других предложений по возможным формам сотрудничества в области безопасности. Неоднократно высказывались опасения о том, что, воспользовавшись своей главенствующей ролью в регионе, узбекское руководство усилит репрессии против своих граждан, что в конечном итоге вызовет те или иные проявления массового недовольства. Другим потенциальным источником дестабилизации обстановки называлось усиление агрессивности Узбекистана в отношениях с соседями по региону.

США В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ПОСЛЕ 11/09/01

После терактов 11 сентября в Нью-Йорке и Вашингтоне в отношениях между США и странами Центральной Азии произошли кардинальные сдвиги. Узбекистан и Таджикистан первыми в регионе предложили войскам антитеррористической коалиции свои военные объекты сразу после терактов и объявления о начале военной операции в Афганистане. Американцы выбрали две базы - одну на территории гражданского аэропорта близ Бишкека, другую в Ханабаде близ г. Карши на юге Узбекистана. Вместе со своими союзниками по коалиции, в том числе Францией и Нидерландами, США использовали эти объекты для выполнения боевых и иных задач на афганской территории. Все пять государств региона предоставили самолетам ВВС коалиции право пролета над своей территорией.

Таким образом, страны, десятилетиями находившиеся на задворках истории, вдруг оказались в

самой гуще событий.

Государства Центральной Азии были рады принять у себя войска коалиции, и на это у них были веские причины. Во-первых, четыре из пяти государств – Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан и Таджикистан – всерьез опасались угрозы со стороны радикального исламского движения «Талибан», правившего в то время в Афганистане – стране, с которой у стран Центральной Азии существуют давние исторические, этнические и культурные связи, а также чрезвычайно протяженная и плохо охраняемая граница. Во-вторых, учитывая их давние связи с Россией, для этих государств было вполне естественным встать в «войне с террором» на одну сторону с Москвой.

В то же время одно из государств региона – Узбекистан – уже давно и очень активно пыталось развивать отношения с другими странами в качестве противовеса российскому влиянию.

И, наконец, вслед за Россией с ее проблемами в Чечне лидеры центральноазиатских государств прекрасно понимали, что сильно выиграют в международном плане, если им удастся списать собственные проблемы с исламским экстремизмом на всемирную «войну с террором». В этом им помогла сама администрация США, летом 2001 г. – еще до сентябрьских событий – внеся Исламское движение Узбекистана (ИДУ) в свой «черный» список террористических организаций.

США и раньше проявляли интерес к Центральной Азии. После распада СССР нефтяные богатства Казахстана привлекли в страну крупнейшие западные нефтяные компании, создавшие здесь немало совместных предприятий. В небольших объемах западные инвестиции осуществлялись по всему региону, в основном – в сфере добычи и переработки полезных ископаемых, а не в реальном секторе экономики.

Между Западом и странами региона велся диалог по вопросам безопасности. Центральноазиатские государства присоединились к натовской программе «Партнерство во имя мира» и даже проводили на своей территории совместные учения с войсками Североатлантического альянса. Администрация США финансировала широкий спектр различных программ, от гуманитарной помощи Таджикистану до технического содействия отдельным министерствам и поддержки неправительственных организаций (НПО).

Наконец, США активно критиковали центральноазиатские режимы за подавление основных прав и свобод человека, стремясь подтолкнуть эти страны к отходу от однопартийной – а точнее, авторитарной системы правления. С чисто практической точки зрения США больше других стран Запада вложили в программы поддержки развития многопартийной системы, свободной прессы и прогресса в области прав человека в Центральной Азии.

В области поддержки свободной прессы Госдепартамент, в частности, предоставляет щедрую помощь проекту «Репортажи из Центральной Азии» Института по освещению проблем войны и мира (IWPR) (http://www.iwpr.net/centasia_index1.html), в рамках которого проводится обучение журналистов на местах и публикуются репортажи штатных и внештатных корреспондентов со всего региона.

СУТЬ ПОЛИТИКИ США

С началом «войны с террором» акцент в публичных политических заявлениях по Центральной Азии сместился с долгосрочных стратегий к актуальным, повседневным темам. Как и в Афганистане, создается впечатление, что политикой США в Центральной Азии верховодит Пентагон, а не Госдепартамент.

Смещение акцента привело к тому, что политика США стала по-иному восприниматься на местах.

Во-первых, США и их западные партнеры продолжали вести с региональными режимами диалог о необходимости либерализации и политических реформ, однако фактическое поведение западных держав в регионе привело к тому, что среди правящей элиты и населения региона укрепилось мнение о второстепенности этих вопросов.

Во-вторых, хотя казалось бы, экономическое сотрудничество в перспективе носит более прочный и долгосрочный характер, чем военно-политическое, создается впечатление, что второе (в лице Узбекистана) временно отодвинуло первое (в лице Казахстана) на второй план.

И, наконец, более интенсивное но выборочное сотрудничество США со странами региона лишь усилило взаимное отторжение между ними, непреднамеренно усиливая изоляционистские настроения и взаимную вражду между режимами, и без того с недоверием относившимися друг к другу.

Некоторые из местных экспертов, с которыми удалось побеседовать IWPR, признают, что необходимость военно-технического сотрудничества со странами Центральной Азии носила для США столь срочный и настоятельный характер, что Вашингтон просто не мог – да и не должен был – пытаться решить другие проблемы региона прежде, чем наводить мосты в военной области. Но высказывается и более циничное мнение о том, что если бы у США был выбор, Вашингтон предпочел бы сохранить нынешние авторитарные режимы у власти, а не подталкивать эти страны к более плюралистской, но менее предсказуемой новой системе.

Ряд экспертов считает, что политика США претерпела кардинальные изменения. «Впервые со времени окончания холодной войны США приходят в Центральную Азию, но их приход приносит разочарование, - сказал IWPR журналист Ахмед Рашид, автор нескольких книг об исламском экстремизме в Центральной Азии и Афганистане. - Их политика здесь носит одномерный характер. США пытаются вовлечь региональные режимы в свою “войну с террором”, не настаивая при этом на проведении реформ».

США ПРОДОЛЖАЮТ СИГНАЛИЗИРОВАТЬ О НЕОБХОДИМОСТИ РЕФОРМ

Действительно, в публичных заявлениях американских чиновников упор делается на военное сотрудничество и меньше внимания уделяется вопросам политических реформ и прав человека. Это наводит многих экспертов в регионе на мысль, что права человека больше не являются приоритетной областью для американской администрации.

«Здесь несколько направлений американской политики вступают в противоречие. Формально США уже давно отстаивают интересы демократии и прав человека в Центральной Азии, а в последнем отчете Госдепартамента содержится жесткая критика положения с правами человека в странах этого региона. Однако необходимость поддерживать тесные обоюдные связи с этими государствами – особенно в военной области – как правило, выходит на первый план», - говорит эксперт по Центральной Азии и вопросам региональной безопасности лондонского Королевского института международных отношений Рой Аллисон.

Нет, США вовсе не собираются отказываться от того, что составляло основу их политики в регионе на протяжении последних десяти и более лет - поддержки реформ и преобразований, утверждают чиновники американской администрации. В Госдепартаменте считают, что, невзирая на более актуальные проблемы обеспечения безопасности в этом уязвимом регионе, США постоянно и настойчиво убеждают центральноазиатских лидеров принять неизбежность преобразований.

Как утверждает помощник Госсекретаря Крейнер, эти вопросы в последнее время приобрели даже большую важность, чем раньше. «Именно после событий 11 сентября 2001 г. вопросы демократии и прав человека в Центральной Азии приобрели для нас особую остроту, - сказал он. - Центральная Азия оказалась в центре нашего внимания - как в смысле безопасности, так и потому, что США никогда не строят отношения исключительно с руководствами государств... Вот почему проблемы демократии и прав человека вышли у нас на первый план».

«В наших переговорах с руководителями центральноазиатских государств мы постоянно напоминаем им о необходимости выполнять их собственные обещания, данные своему народу, а также международные обязательства по обеспечению демократического плюрализма мнений и экономической открытости. Мы подчеркиваем определяющее значение этих реформ для долгосрочной стабильности, - пишет помощник секретаря Бюро по делам Европы и Евразии при Госдепартаменте Элизабет Джоунс в своем докладе по Центральной Азии Конгрессу США от 29 октября прошлого года. - Наша цель проста - эти государства должны оставаться независимыми и должны стать демократическими, стабильными и процветающими партнерами США, уважающими права человека и интегрированными в мировую экономику. Они должны уйти от нищеты, изоляции и нетерпимости, т.е. всего того, что создает благодатную почву для терроризма и фундаментализма».

Насколько известно IWPR, за закрытыми дверями США оказывают на руководство Узбекистана серьезное дипломатическое давление по целому ряду вопросов, связанных с соблюдением прав человека, свободой собраний и доступа к информации.

СИГНАЛЫ НЕ ДОХОДЯТ

Проблема заключается в том, что центральноазиатские режимы через подконтрольные им СМИ доносят до своего населения принципиально иную информацию, говоря о том, что «все прекрасно» и нет никакой необходимости менять избранный политический курс. В представлении правящих элит Центральной Азии, в особенности Узбекистана и Кыргызстана, на территории которых расположены авиабазы коалиции, все предельно ясно: Запад готов сотрудничать с ними на их условиях, и никакие нарушения в области прав человека и демократических свобод не омрачат это крепнущее сотрудничество. Данное заблуждение может являться результатом превратного понимания, а, возможно, и умышленного искажения сути политики США, но факт остается фактом - региональные режимы вряд ли пойдут на уступки «тихой» дипломатии США в тех вопросах, которые они считают «своим внутренним делом».

Для руководства Кыргызстана и в особенности - Узбекистана присутствие авиабаз США на своей территории - это подарок судьбы и повод похвастаться перед народом своими мнимыми успехами на международной политической арене. Заявленная Таджикистаном и Казахстаном готовность оказать содействие в «войне с террором» была по достоинству оценена международным сообществом. Не у дел остался лишь Туркменистан, изоляция которого от соседей после 11 сентября 2001 года не уменьшилась. Нет никаких признаков того, что поддержка туркменским руководством «войны с террором» имела какие бы то ни было внутривнутриполитические последствия.

Государства Центральной Азии унаследовали свои политические традиции от СССР. Во многих из них у власти стоят те же лидеры советской эпохи. Разница лишь в том, что теперь они именуют себя не коммунистами, а «поборниками национальных интересов» или даже «демократами» и используют приватизацию, чтобы прибрать к рукам важнейшие активы. Естественно, они всеми силами противятся политическим преобразованиям и все они, в особенности Узбекистан и Туркменистан, крайне настроенно подходят к экономическим реформам.

Речь идет не об отдельных нарушениях в выборном процессе или чересчур жестоким подавлении инакомыслия. В двух самых «трудных» государствах региона - Узбекистане и Туркменистане - независимых политических партий и СМИ не было уже целое десятилетие. В остальных трех государствах политические права резко ограничиваются, и президенты и их приближенные обладают огромной властью.

«Во всех государствах Центральной Азии свобода критики в той или иной степени подавляется. Многовековые традиции авторитаризма, соединившись с наследием советского тоталитаризма, все еще довлеют над образом мыслей большинства элит. Нельзя недооценивать склонность правящих элит к увековечению своего правления. Ни один режим региона нельзя назвать терпимым к инакомыслию», - сказала помощник секретаря БДЭЕ Джоунс в своем выступлении перед Конгрессом.

Далее она вкратце коснулась положения дел в каждом конкретном государстве региона. В целом неплохая репутация Казахстана в сфере защиты прав человека «была в последнее время омрачена рядом широко освещавшихся судебных процессов» над диссидентами. Таджикистан, ранее «достигший значительных успехов» в области прав человека, разочаровал прошлогодним референдумом, давшим главе государства право многократно баллотироваться на новый срок. По ее словам, «Узбекистан с его массовыми арестами и пытками политических оппонентов оказался среди самых неблагополучных государств региона», но хуже всего обстоят дела в Туркменистане, где положение с гражданскими правами достигло небывало низкой отметки.

Особую тревогу вызывают события, произошедшие за два с половиной года с момента терактов 11/09/01. В Казахстане оказались за решеткой оба вдохновителя и лидера оппозиционной партии «Демократический выбор Казахстана» как раз в тот момент, когда она начала представлять собой реальную политическую силу. Независимый журналист Сергей Дуванов предстал перед судом по обвинению в изнасиловании. По мнению правозащитников, обвинения против журналиста были сфабрикованы с целью наказать его за публикации о коррупции в высших эшелонах власти.

В Узбекистане не прекращается череда судебных процессов над так называемыми «исламскими экстремистами», и практически все стадии процесса судопроизводства проходят с серьезными нарушениями. Наибольшую огласку получил суд над Русланом Шариповым – очередной случай, когда журналиста упрятали за решетку по обвинению в преступлении сексуального характера, призванным навсегда очернить его доброе имя. Под давлением мировой общественности Шарипов и Дуванов были освобождены из мест заключения, соответственно, в марте и декабре прошлого года, и в настоящее время находятся под домашним арестом, а обвинения против них так и не сняты. По всему региону не прекращаются преследования и запугивание правозащитников и активистов политической оппозиции.

В прошлом году, невзирая на критику, Президент Таджикистана Эмомали Рахмонов провел референдум по внесению поправок в Конституцию, давший ему право снова и снова баллотироваться на президентский пост. В соответствии с предшествующей редакцией Основного закона, его нынешний срок должен был стать последним. В январе 2002 г. Президент Узбекистана Ислам Каримов провел столь же сомнительный референдум, продлив срок своих полномочий на два года.

Если в каких-то областях и происходили преобразования, они по большей части носили косметический характер, либо сводились к незначительному улучшению положения в других областях. Например, власти Таджикистана пошли на некоторые послабления, дав возможность работать независимым СМИ, и проявили определенную гибкость в вопросе отмены смертной казни, но при этом представители оппозиционных партий отмечают усиление давления на них со стороны власти с целью их маргинализации.

Узбекские власти официально отменили цензуру и дали понять, что готовы позволить институтам гражданского общества и даже оппозиционным партиям – хотя и с определенными ограничениями – вести деятельность на территории страны. Однако СМИ остались под жестким контролем государства, НПО, занимающиеся вопросами прав человека и свободы прессы, подвергаются давлению и сталкиваются с многочисленными бюрократическими препонами, а оппозиционные партии не имеют никакой возможности легализоваться. Вместо этого власти санкционировали создание очередной «официальной» партии.

В Узбекистане и в еще недавно более терпимых Кыргызстане и Таджикистане растущую тревогу у правозащитников вызывают участвовавшие в последние годы случаи ареста и осуждения лиц, подозреваемых в причастности к ИДУ – радикальной исламской организации, действующей из-за рубежа – а также запрещенной фундаменталистской группе «Хизб-ут-Тахрир». Но в милицию по сути может попасть любой гражданин, чье поведение или внешность покажутся стражам порядка чересчур «мусульманскими».

Каковы бы ни были масштабы реальной угрозы, исходящей от этих исламских организаций, судопроизводство над подозреваемыми в исламском экстремизме вершится с серьезными изъятиями. Правозащитные организации отмечают многочисленные случаи применения пыток с целью получения признательных показаний. Нередко родственники подозреваемых подвергаются давлению или арестовываются вместо скрывшегося подозреваемого.

«Война с террором» придала всей этой анти-исламской истерии некое подобие легитимности. Если в середине и конце 90-х администрация США резко реагировала на случаи ареста и бесчеловечного обращения с исламскими активистами, то после известных событий, сблизивших позиции США и Узбекистана по поводу радикальных проявлений ислама, осуждать подобные действия стало намного сложнее. Это – и серия взрывов в Ташкенте в 1999 г., ответственность за которые возложили на боевиков ИДУ, и вылазки этих самых боевиков на территорию Узбекистана и Кыргызстана в 1999-2001 гг. и, наконец, выступление ИДУ на стороне талибов против войск коалиции. При этом надо отдать должное Госдепартаменту США: он продолжает бить тревогу по поводу бесчеловечного обращения представителей органов правопорядка с лицами, подозреваемыми в исламском экстремизме.

Многие из экспертов с сожалением констатируют, что благодаря сотрудничеству с Западом репрессивные методы узбекского и других центральноазиатских режимов как бы получили «международное признание», и это не только не поможет в борьбе против исламского экстремизма, но, напротив, может привести к радикализации все большей части населения.

По мнению экспертов, маргинализовав исламистов и практически не оставив населению каналов для выражения своего недовольства ухудшающейся социально-экономической ситуацией, центральноазиатские режимы фактически подталкивают исламские организации к более радикальным действиям и способствуют возникновению новых – более экстремистских – течений. По сведениям Международной кризисной группы, представители которой хорошо знакомы с обстановкой на местах, в рядах «Хизб-ут-Тахрир» есть крыло, призывающее отказаться от мирной оппозиционной риторики и начать вооруженную борьбу.

«Оценивая последствия войны с терроризмом для государств Центральной Азии на данном этапе, приходится констатировать, что репрессии властей против граждан усилились, – пишет в своем докладе Конгрессу США академик вашингтонского Института им. Брукингса и член Совета попечителей IWPR Фиона Хилл. – Привлекая страны вроде Узбекистана в качестве своих ближайших союзников в “войне с террором”, США фактически дают подобным режимам карт бланш на искоренение политического инакомыслия, проявлений социального недовольства и всех несанкционированных форм вероисповедания и отправления культа. Все это вызывает глубокое сожаление».

Директор программы мониторинга в области прав человека московского центра «Мемориал» Виталий Пономарев заявил в беседе с IWPR: «Несмотря на определенные усилия по поддержке демократии и прав человека в Центральной Азии, в целом, политика США в этом направлении не привела к демократизации политических систем региона. Более того, за последние годы отмечается заметный рост авторитарных тенденций... Мне кажется, сейчас авторитарные правители Центральной Азии менее восприимчивы к критике со стороны Запада, чем в середине 90-х годов.»

Региональные режимы получили именно то, чего добивались – чтобы Запад принял их вариант демократии (читай: ее полного или почти полного отсутствия) и согласился с тем, что критика по поводу нарушения прав человека не должна наносить ущерб прочным и крепнущим политическим

связям между странами Запада и центральноазиатского региона.

«В случае с Узбекистаном можно точно сказать, что власти эксплуатируют поддержку США в своих целях. Ташкент воспринимает свое региональное партнерство с Вашингтоном как признание своей легитимности. Естественно, силы, оппозиционно настроенные по отношению к правящему узбекскому режиму, чувствуют себя преданными Вашингтоном, который, по их мнению, позволяет Каримову обращаться с оппозицией, как ему вздумается», - сказала Фиона Хилл в интервью IWPR.

Но еще одна сторона проблемы заключается в том, что население Центральной Азии получает от своих правительств лишь отфильтрованную, положительную информацию об их диалоге с США и Западом. Подводные камни, как, например, отношение Запада к вопиющему пренебрежению режима правами человека, при этом опускаются. В таких условиях сколько бы ни настаивал Запад на том, что вопросы прав человека не менее важны, чем вопросы безопасности, подобные декларации никогда не дойдут до населения.

«Имея дело с государствами Центральной Азии, американские политики должны действовать крайне осторожно, не давая местным режимам использовать себя в своих целях, - пишет эксперт по Центральной Азии, старший научный сотрудник Фонда международных отношений им. Карнеги Марта Брилл Олкотт в своем докладе Конгрессу США. - США ни в коем случае не должны помогать этим режимам наращивать свой репрессивный аппарат».

США НАСТАИВАЮТ НА ПРОВЕДЕНИИ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Перечисленные нарушения сами по себе не являются следствием прихода западных держав в Центральную Азию. Однако то упорство, с которым местные режимы продолжают репрессировать собственных граждан, выглядит совершенно неуместно в контексте обещанных перемен к лучшему. Рамочная декларация о стратегическом партнерстве и сотрудничестве, подписанная Узбекистаном и США в марте 2002 г., предусматривает ряд мер, призванных способствовать открытости и демократизации узбекского общества, а Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР) в мае 2003 г. выставил Узбекистану ряд требований по улучшению положения с правами человека.

Данные требования не были выполнены, и это показывает, насколько понимание центральноазиатскими режимами того, что от них требуется, расходится с амбициозными планами Запада по проведению в регионе реальных преобразований.

США – страна, вкладывающая в регион наибольшее количество средств – на протяжении всего последнего десятилетия оказывала и оказывает наибольшее прямое и косвенное воздействие на региональные режимы с целью добиться либерализации их политической системы. Однако огромный масштаб региональных проблем – экономических и политических – в сочетании с упорным нежеланием правящей верхушки что-либо по-настоящему менять неизбежно делают вмешательство извне малопродуктивным.

Американская администрация продолжает вкладывать значительные средства в поддержку программ демократического развития. В 2003 г. доля выделенных на эти цели средств составила 18% от 290 млн. долларов, выделенных на все цели всем пяти государствам региона. При этом на программы по укреплению безопасности и содействию правоохранительным органам ушел 31% бюджета. Многие неправительственные организации в регионе существуют лишь благодаря американской поддержке. Не будь этой поддержки все эти НПО исчезли бы вместе с проповедуемыми ими демократическими ценностями. В отдельных случаях на защиту прав человека с успехом вставали и посольства США в центральноазиатских государствах.

«Мы имеем дело не только с властью», - подчеркивает Помощник Госсекретаря Крейнер, отмечая,

что США оказывают поддержку и работают с широким спектром общественных объединений, включая политическую оппозицию, СМИ и гражданский сектор. «Поскольку мы одновременно работаем и с правительствами, и с населением этих государств, мы имеем возможность показать, какими мы хотим видеть Центральную Азию и Ближний Восток в будущем», - сказал он.

По словам Крейнера, Вашингтон всякий раз доводит свою позицию до сведения центральноазиатских лидеров на переговорах. «Встречаясь с государственными чиновниками, мы действительно обсуждаем вопросы безопасности, но не только. Мы очень подробно и конкретно говорим о тех преобразованиях, которые, по нашему глубокому убеждению, необходимы этим странам», - сказал он.

В то время, как до настоящего времени ЕБРР публично не подводил итогов выполнения Узбекистаном своих обязательств, Вашингтон попытался принять меры. В январе Госдепартамент отклонил программу помощи Узбекистану на основании того, что эта страна не выполняет взятые на себя обязательства по улучшению ситуации с правами человека в соответствии с Декларацией о стратегическом партнерстве. Программа, предусматривающая техническое содействие в мониторинге и уничтожении запасов ядерных, биологических и химических материалов, все равно прошла, так как подпадала под действие специальной поправки, в соответствии с которой помощь не зависела от соблюдения обязательств страной-бенефициаром. «Это был совершенно беззубый выпад», - говорит сотрудник НПО «Хьюман райтс уотч» Акейша Шилдс.

В апреле на утверждение Госдепа поступит основной пакет американских государственных программ помощи, как в военно-технических, так и в гражданских областях. При том, что утверждение программ по Узбекистану поставлено в зависимость от проведения им существенных преобразований в сфере прав человека, за два года «стратегического партнерства» Госдеп ни разу не отказал этой стране. Но попытка Госдепартамента «зарубить» на тех же основаниях программу помощи по нераспространению опасных материалов может означать, что терпение американской администрации подходит к концу.

ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ И УГРОЗА ИСЛАМСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА

Лишь немногие из опрошенных IWPR экспертов полностью исключили возможность массовых народных волнений где-либо в регионе. Мнения разошлись лишь относительно потенциальных масштабов и времени противостояния, а также возможной роли в нем исламских движений.

Некоторые эксперты усматривают явную и непосредственную угрозу дестабилизации, исходящую от исламских экстремистов. «Угроза исламского терроризма на территории Центральной Азии вполне возможна, она и не снижалась. Другое дело, что трудно предугадать, где конкретно может произойти конфликт», - говорит координатор Института национальных исследований Андрей Чеботарев.

«Успокаиваться рано. В обществе бродят подводные течения социального недовольства и зреет протест, а влияние радикальных исламских группировок велико, хотя и не всегда лежит на поверхности», - говорится в докладе МГУК «Центральная Азия: последняя возможность перемен» за апрель 2003 г. «Отсутствие политических и экономических преобразований угрожает не только благосостоянию и экономической свободе народов, населяющих регион, но в перспективном плане ставит под угрозу безопасность Центральной Азии в целом».

По мнению представителей Госдепартамента, ИДУ все еще представляет серьезную опасность. Выступая в Конгрессе, помощник секретаря БДЭЕ Джоунс заявила: «Исламское движение Узбекистана... активно действует на территории Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана и, по некоторым сведениям, также Казахстана. Потеряв способность к открытой вооруженной конфронтации, ИДУ продолжает угрожать странам региона и американским интересам террористическими актами».

Другая активно действующая в регионе исламская организация – «Хизб-ут-Тахрир», несмотря на свою радикальную идеологию, в каких-либо насильственных действиях не замечена. В государствах Центральной Азии на деятельность «Хизб-ут-Тахрир» наложен запрет, но США пока не признали ее террористической организацией. «Хизб-ут-Тахрир» - не воинствующая организация. Мы не стремимся дестабилизировать обстановку, - сказал в беседе с IWPR член «Хизб-ут-Тахрир» из Кыргызстана Курманбек. - Мы ведем борьбу силой убеждения, помогая людям встать на праведный путь».

Тем не менее, многие видят потенциальную угрозу в «Хизб-ут-Тахрир», из рядов которой вполне могут возникнуть новые, более радикально настроенные группировки, отмечая, что, как сами «тахрировцы», так и их возможные «преемники» могут в любой момент взяться за оружие. «Хизб-ут-Тахрир» рассматривается в качестве потенциальной новой угрозы безопасности центральноазиатских государств. Постоянные преследования узбекских властей могут вынудить сторонников этой организации взяться за оружие», - сказала в интервью IWPR Фиона Хилл.

Доцент одного из вузов Таджикистана разделяет это мнение: «Преследования со стороны властей могут еще более радикализировать это движение, имеющее уже тысячи сторонников среди молодежи. Это означает, что тысячи молодых людей исповедуют идею свержения существующих режимов и установления исламского порядка. Эти люди готовы подчиниться более радикальным приказам своих руководителей. Призывов к вооруженной борьбе пока не слышно, но они могут появиться в будущем, если власти и далее будет ужесточать преследования».

А заместитель главы пресс-службы президента Узбекистана Шерзод Кудратходжаев считает, что «Хизб-ут-Тахрир» и так представляет серьезную угрозу. «Кто даст гарантию, что завтра они не возьмут в руки оружие? - сказал он в телефонном интервью, ссылаясь на радикальные взгляды и воинствующий антисемитизм «тахрировцев». - “Хизб-ут-Тахрир” - это как соринка в глазу. От нее необходимо избавиться, даже если это больно».

В докладе, опубликованном в феврале американским Институтом внешнеполитических исследований, говорится: «Дальнейшая радикализация и милитаризация исламских активистов в Центральной Азии лишь усугубят стратегическую дилемму, перед которой уже сейчас оказался Вашингтон: сотрудничество с определенными режимами с целью использования их военных объектов в борьбе с терроризмом приводит к тому, что Америку перестают воспринимать как либеральную, благожелательную сверхдержаву, склоняясь больше к тому, КАК нашу страну характеризуют исламские экстремисты - как циничную, хищную страну, обслуживающую только свои интересы».

В 1999-2001 гг. ИДУ совершило ряд партизанских вылазок на территорию Узбекистана и Кыргызстана. В ходе наступления сил антитеррористической коалиции на северо-востоке Афганистана в конце 2001 г. ИДУ, казалось, было полностью разгромлено вместе со своими союзниками-талибами, однако все центральноазиатские режимы по-прежнему видят в нем угрозу своей безопасности. Не успокаивают и сообщения международной прессы о том, что боевики ИДУ вместе с отрядами талибов и Аль-каэды попали в окружение и были уничтожены в ходе спецоперации на северо-западе Пакистана в марте 2004 г.

«Президент Каримов смотрит по сторонам, - говорит московский политический обозреватель Малашенко. - Он понимает, что если появится сильный лидер [в рядах радикальной исламской оппозиции], это может быть угрозой его власти. Поэтому он сразу убирает любого, в ком видит серьезного потенциального соперника. В этом отношении Запад его поддерживает. Каримов как бы убеждает [международное сообщество] в реальности угрозы».

По мнению Малашенко, «Население пойдет за исламскими экстремистами в том случае, если будет полный зажим всех свобод; правящие режимы должны дать возможность “выпускать пар”».

По мнению ряда экспертов, своей политикой центральноазиатские правительства создают питательную среду для роста и развития исламских течений, а это – не в интересах США.

«При том, что за последние 12 лет национальная безопасность Узбекистана и режим Президента Каримова действительно не раз оказывались под угрозой, ответ на эту угрозу представляется чрезмерно жестким, - заявила Олкотт, выступая на слушаниях в Конгрессе в октябре прошлого года. - Своими чрезмерно жесткими действиями государство лишь обеспечило себе и будущим режимам более серьезную угрозу».

«Правящие элиты Центральной Азии намеренно преувеличивают масштабы угрозы национальной безопасности, исходящей от сторонников радикальной исламской идеологии. Американские политики сделают большую ошибку, если поставят знак равенства между общими целями союзников в войне с террором и близорукой, потенциально опасной политикой, проводимой режимами региона в вопросах вероисповедания».

Рустем Жангушин – эксперт по Центральной Азии, проживающий в Киеве – выразился более резко. «Главная угроза стабильности центральноазиатских государств – это их лидеры. Это они превращают людей в исламских экстремистов».

Представитель «Хьюман райтс уотч» Акейша Шилдс в беседе с IWPR отметила: «Жестокость со стороны властей заставит тех, кто склонен к насилию или связан с экстремистскими организациями, начать действовать. Чем жестче прессинг властей, тем жестче будет ответ, направленный против режима и его союзников».

Но некоторые эксперты не видят в ближайшей перспективе угроз политической стабильности в регионе, по крайней мере со стороны исламистов. «Я не вижу признаков политической нестабильности в Центральной Азии, но вижу признаки социально-экономического недовольства, которое может в будущем привести к политической дестабилизации», - говорит Ахмед Рашид.

После долгих лет экономического спада, последовавшего за развалом СССР, экономика всех пяти государств региона в последнее время демонстрирует определенный рост, однако везде она держится на одной-двух сырьевых отраслях, сильно зависимых от конъюнктуры на мировом рынке. При этом относительное процветание в этих отраслях не распространяется на другие области экономики.

Степень рыночной ориентации экономики в различных странах неодинакова, однако для всех характерна высокая степень вмешательства государства в экономику – оно регулирует цены, возводит торговые барьеры и поддерживает монополии. По мнению критически настроенных наблюдателей, чиновники таким способом защищают свои собственные интересы в бизнесе. Столь неравное положение игроков в экономике в сочетании с повальной коррупцией убеждает население в том, что правители их обманывают и грабят. Огромная масса людей проживает за чертой бедности, а работу – даже низкооплачиваемую – на большей части территории Центральной Азии найти очень сложно.

Представитель президентской пресс-службы Узбекистана Кудратходжаев защищает свое правительство: «У нас нет волшебной пилюли – мы не можем сделать так, чтобы завтра все наши граждане проснулись счастливыми и обеспеченными, но государство делает все возможное для повышения благосостояния населения».

В уже упоминавшемся докладе Института внешнеполитических исследований социально-экономические проблемы называются в качестве одного из главных потенциальных источников нестабильности: «Сочетание экономических проблем и политических репрессий – идеальная среда для экстремистских исламских идеологий».

По мнению Фионы Хилл, пламя народного недовольства может вспыхнуть в том случае, если и без того неблагоприятная экономическая ситуация резко ухудшится в результате непредвиденных обстоятельств. «У исламистов нет общенациональной структуры. Их так прижимают, что мы даже не знаем, сколько их на самом деле, но они могут обрести мощную поддержку, например, в случае крупного стихийного бедствия, такого, как землетрясение, либо в случае серьезного неурожая».

Многие из тех наших собеседников, которые не считают ИДУ и «Хизб-ут-Тахрир» источниками непосредственной угрозы, все же признают, что выход накопившемуся недовольству населения, скорее всего, даст именно ислам. Один специалист по Центральной Азии, просивший сохранить свое имя в тайне в связи с тем, что работал в качестве советника для британского правительства, сказал IWPR: «Угроза исламского экстремизма, безусловно, существует, но она может быть преувеличена». В то же время он отмечает, что «угроза выплеска народного недовольства вполне реальна», а если говорить конкретно об Узбекистане, Кыргызстане и Таджикистане, «причиной народных волнений может стать неспособность власти проводить разумную экономическую политику».

Население может восстать под знаменем ислама, но «даже если такое знамя будет поднято, найдется немало людей, которые этому воспротивятся», - сказал эксперт.

Некоторые наши собеседники вообще не видят причин опасаться народных волнений, считая, что если они все же возникнут, власть сможет без особого труда взять ситуацию под контроль.

«Уже многие годы предсказывали неминуемую вспышку народных волнений в Узбекистане. Я бы назвал подобные предсказания несколько безответственными... Судя по этим предположениям, Узбекистану пытаются навязать ход событий, который имел место в других странах, - говорит Стив Ливайн - исследователь при Стэнфордском университете, 11 лет проработавший корреспондентом в Центральной Азии. - Я не говорю, что этого никогда не случится, но динамика тюркоязычных центральноазиатских республик такова - и сейчас, и в годы советской власти - что народ готов страдать молча и безропотно. Здесь ситуация не такая, как в Грузии или Азербайджане. До сих пор, в Центральной Азии ситуация развивалась по-другому».

«Узбекский режим создал мощнейшую систему безопасности, превосходящую по численности сотрудников милиции и секретных агентов все другие страны региона, - говорит независимый узбекистанский журналист Улугбек Эргашев. - Эти структуры способны в мгновение ока подавить любые проявления недовольства... Не будет в Узбекистане никаких народных волнений».

«УТОМЛЕННЫЕ ДЕМОКРАТИЕЙ»

Еще одна опасность заключается в том, что сама идея демократии может быть дискредитирована в сознании широких масс населения - по крайней мере, в том виде, в каком она преподносится им в настоящий момент.

Возможно, подобное обобщение является преждевременным - ведь подборка респондентов IWPR была не столь представительной. Существуют группы - как правило, среди правящей элиты - которые безусловно поддерживают правящий режим, и группы, которым, в общем, не важно, кто стоит у власти. На другом конце спектра беднейшие слои населения зачастую не имеют представления даже о том, как проходит процесс принятия решений у них на местах, не говоря уже о международном уровне, и не имеют времени как следует задуматься о происходящем, так как все их время уходит на ежедневную борьбу за существование.

Но при этом население центральноазиатских государств прекрасно видит, как ведут себя их

правители, и в глазах населения Западу никак не делает чести тот факт, что он поддерживает этих правителей в то время, как они изрекают пустые, бессмысленные тирады о демократии и при этом попирают элементарнейшие демократические свободы. «Есть опасение, что разочарование в идеалах демократии породит протест против западной цивилизации и всего, что за ней стоит, - говорит Рустем Жангушин. - Народ уже и так переоценивает так называемые «демократические ценности».

В Узбекистане, по словам Жангушина, светская оппозиция или уничтожена, или изгнана из страны, а голоса протеста слышны лишь через радикальный ислам.

Независимый ташкентский социолог Баходыр Мусаев сказал: «США в Узбекистане сотрудничают только с номенклатурой, а не с народом. От этого сотрудничества люди не ждут ничего хорошего. Режим Каримова крепчает на глазах - режим, который уже очень давно потерял связь с народом и ничего не делает для его блага».

А по мнению таджикского журналиста Павла Гейвандова, Запад ведет разговоры о демократии и защите прав человека только для отвода глаз. «Они уже принесли хаос и беспорядки в Ирак». - говорит он. «Разговоры о том, что они стремятся развивать демократию во всем мире - это чистейший бред.»

Независимый узбекистанский журналист Улугбек Эргашев разделяет эту точку зрения. «Если бы США на самом деле хотели демократических реформ в Узбекистане, разве им было сложно профинансировать оппозиционные партии в Узбекистане, помочь им сейчас с регистрацией и дать им билет на предстоящие в декабре парламентские выборы, проще простого. Но они не пошевелили даже пальцем, потому, что им не выгодны реформы в Узбекистане, их устраивает Каримов».

Институт внешнеполитических исследований призывает Запад вновь поставить демократическое развитие на повестку дня в Центральной Азии. «Решение начать публично требовать от основных ближневосточных государств проведения реальных демократических реформ - верное направление американской политики», - говорится в докладе ИВА.

«Но при этом молчание США по поводу ситуации с демократическим развитием в Центральной Азии идет вразрез с этой политикой. Этим мы рискуем лишь подтвердить характеристику США, бытующую в мусульманском мире, где нас считают лицемерной державой, готовой отказаться от своих принципов в угоду экономической и военно-политической выгоде».

В Кыргызстане IWPR довелось услышать немало и позитивных отзывов о США и их работе по поддержке демократических процессов. Например, депутат-коммунист Николай Байло сказал: «Существование недемократических политических режимов в Центральной Азии - не в интересах США».

Однако, по его же словам, «США не могут в настоящий момент изменить политическую окраску этих режимов, так как для них это будет просто дополнительная головная боль». Байло и его коллега по Законодательному Собранию Бектур Асанов положительно оценили ту поддержку, которую оказывает Вашингтон неправительственным структурам.

ВЗАИМНАЯ ВРАЖДА

Одним из «побочных эффектов» геополитических изменений, последовавших за событиями 11 сентября 2001 г., явилось то, что государства Центральной Азии теперь меньше нацелены на взаимное сближение. Это лишний раз показывает, как вопросы обеспечения безопасности вступают

в противоречие с «голубой мечтой» Госдепартамента США об открытых границах и свободной торговле в регионе.

Как и во многих других случаях, источником этих проблем принято считать Узбекистан – отчасти из-за проводимой им политики по отношению к соседним странам, отчасти – из-за возросшей самоуверенности узбекского руководства как основного союзника США в регионе, но на самом деле просто оттого, что Узбекистан находится в самом центре региона и граничит со всеми соседями. Когда Узбекистан ввел у себя непомерные налоги на импорт, регион содрогнулся. Но сделано это было не из-за враждебных чувств по отношению к соседям, а чтобы удержать фиксированный валютный курс – элемент все еще сохранившейся административно-командной экономики. Узбекское население немедленно хлынуло за покупками в Казахстан и Кыргызстан, где соседи приняли их с распростертыми объятиями и даже ускоренными темпами соорудили у границы огромные оптово-розничные рынки.

Тогда узбекские власти затруднили своим гражданам доступ через границу, практически закрыв ее на замок. Движение населения через границу в обе стороны сильно сократилось, приграничная торговля была прервана, возникла напряженность.

«Да, Узбекистан закрыл свои границы, - говорит представитель пресс-службы узбекского президента, - Это было сделано в целях продовольственной безопасности. Жителям приграничных районов стало тяжело, но это – всего несколько сот человек... Зато наблюдался рост производства местных товаров».

Но это лишь усугубило уже имеющийся «букет» пограничных проблем. После серии вылазок на свою территорию боевиков ИДУ в 1999-2000 г. узбеки «засеяли» свои южные рубежи минами - часто без всяких предупреждающих знаков - и теперь на них регулярно подрываются отклонившиеся от проложенных троп таджикские и кыргызские пастухи. «О каком добрососедстве в Центральной Азии можно говорить, когда, несмотря на постоянные и настойчивые просьбы кыргызстанского правительства, Узбекистан до сих пор не предоставил карты минных полей, на которых постоянно гибнут мирные жители?» – говорит правозащитник Ырысбек Омурзаков – редактор кыргызстанской газеты «Трибуна».

Постоянно ухудшается и ситуация на узбеко-таджикской границе. Не имея выхода к морю, Таджикистан в немалой степени зависит от Узбекистана, через территорию которого в страну идет транзит товаров, а сотни тысяч таджикских трудовых мигрантов ежегодно отправляются на заработки в Россию.

В отношениях между Узбекистаном и Казахстаном также существуют проблемы, связанные прежде всего с демаркацией границ. Даже после того, как вопрос, казалось бы, был решен, линия границы зачастую проходит посреди частных огородов. Один житель Казахстана погиб недавно во время инцидента на границе, а в прошлом году пограничные споры между Кыргызстаном и Таджикистаном вылились в локальные беспорядки.

Постоянно возникают конфликты и по поводу воды – основного стратегического ресурса Центральной Азии. Споры идут между странами-источниками – Кыргызстаном и Таджикистаном – и тремя полностью зависимыми от них, но более мощными пользователями, к которым вода поступает в виде нескольких крупных рек.

Страны нередко обвиняют друг друга во вмешательстве в свои внутренние дела. Ташкент обвинял Душанбе в бездействии по поводу лагерей боевиков ИДУ на своей территории, а Бишкек – в неспособности поставить заслон на их пути в Узбекистан. Туркменистан обвинил Узбекистан в содействии в подготовке покушения на жизнь Президента Ниязова в ноябре 2002 г.

И все соседи разом обвиняют Узбекистан в том, что тот «экспортирует» свои проблемы. Жестоко преследуя исламских активистов на своей территории, узбекские власти вынуждают их обосновываться на территориях соседних государств.

Фиона Хилл сказала IWPR: «Соседи Узбекистана недовольны тем, что им приходится расхлебывать последствия политики Каримова. Отсюда - напряженность и трения во взаимоотношениях. Например, Казахстан недоволен тем, что “Хизб-ут-Тахрир” действует в Шымкенте, а Кыргызстан жалуется, что Узбекистан экспортирует свои проблемы с исламистами в соседнюю с ним Ошскую область Кыргызстана».

И, наконец, как бы ни обстояли дела с правами человека в Кыргызстане и Казахстане - а здесь, естественно, тоже не все благополучно и ситуация ухудшается - но эти страны вполне справедливо возмущаются, когда их критикуют, а Узбекистану все сходит с рук. «В последнее время Кыргызстан много критикуют по поводу прав человека, хотя дела здесь обстоят лучше, чем в Узбекистане. А в Узбекистане, хотя и его американский Конгресс подвергает критике за нарушения прав человека, США своими действиями как бы сводят эту критику на нет», - говорит журналист «Московских новостей» Санобар Шерматова.

В результате всех этих неурядиц, по мнению наблюдателей, нарастает соперничество между лидерами центральноазиатских государств. Руководитель кыргызстанской НПО «Гражданское общество против коррупции» Толекан Исмаилова подчеркнула: «С тех пор, как в регион пришли США, отношения между центральноазиатскими лидерами ухудшились... Они больше соперничают друг с другом и совсем перестали заботиться о людях».

«В кыргызстанских официальных кругах уверены, что с появлением в регионе США положение Ислама Каримова значительно укрепилось. И власть, и оппозиция разделяют тревогу о том, что Ташкент может занять более жесткую позицию в отношениях с Кыргызстаном, - говорит директор IWPR в Кыргызстане Чинара Жакыпова. - Есть опасение, что, пользуясь своим привилегированным положением основного союзника США в регионе, Узбекистан вполне может под видом войны с террором усилить давление на соседей».

Кыргызстанский политолог Нур Омаров особенно встревожен поддержкой, оказываемой США вооруженным силам стран региона. «В регионе, где явно преобладают авторитарные методы правления и существуют серьезные трения в отношениях между государствами, может оказаться, что США фактически снаряжают армии этих государств на войну друг с другом. Это может привести к возникновению конфликта».

ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ СОСЕДНИХ РЕГИОНОВ

В регионе, где в течение более сотни лет безраздельно господствовала одна держава - Россия, а затем СССР - приход новой мощной силы неизбежно нарушает региональную динамику. Перед государствами Центральной Азии встала дилемма - как далеко можно зайти в отношениях с сильной, но далекой сверхдержавой, не нарушив при этом традиционных связей с Россией.

Казахстану в последние годы лучше других удавалось поддерживать хорошие отношения с Россией, при этом успешно привлекая в свою экономику западные инвестиции. В прошлом году у этой страны наметился отход от Запада в сторону России. Причинами этого послужили, по мнению Астаны, необоснованная критика со стороны США положения с правами человека в Казахстане, обеспокоенность западных инвесторов в связи с изменениями в нефтяном законодательстве, а также расследованием так называемого дела «Казахгейт», суть которого заключается в том, что высшие руководители Казахстана якобы получали незаконные «комиссионные» вознаграждения от нефтяных сделок.

В Таджикистане, где нет американского военного присутствия, в качестве основного своего союзника собеседники IWPR в основном называют Россию, которая поддерживает слабую экономику Таджикистана и имеет в этой стране военный контингент. Большинство респондентов также высказываются за продолжение этого сотрудничества, предпочитая Россию США. Подобные мнения приходилось слышать и в Кыргызстане, где в прошлом году открылась российская авиабаза – явно в противовес военному присутствию коалиции.

Что характерно, ни в Таджикистане, ни в соседних странах респонденты не высказывали особого беспокойства по поводу своего самого беспокойного соседа – Афганистана, откуда через Центральную Азию потоком текут наркотики.

Судя по ответам респондентов, намерения Китая в Центральной Азии пока не вполне ясны, но уже вызывают некоторую тревогу. Пекин является партнером центральноазиатских государств по Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), куда также входит и Россия.

По поводу нынешней политики КНР респонденты высказывали различные мнения. «Политика современного Китая чрезвычайно агрессивна и имеет тенденцию к экспансионизму, - говорит бывший кыргызстанский дипломат, известный кинорежиссер Болотбек Шамшиев. – Пекин чрезвычайно обеспокоен приходом США в Центральную Азию, которую Китай считает своей вотчиной. Таким образом, американское присутствие служит сдерживающим фактором против китайского экспансионизма».

Казахстанский эксперт по Китаю Константин Сыроежкин согласен с тем, что Пекин действительно встревожен, но не склонен драматизировать ситуацию.

«Китай обеспокоен появлением у себя “под боком” США и об этом пишут в китайской прессе. Ломается вся политическая стратегия Китая по отношению своего геополитического положения. Но, при этом, Китая и США сотрудничают в вопросе угрозы терроризма, то есть существуют точки соприкосновения и терроризм является одной из таких точек, которая объединяет».

Преследуя в регионе свои коммерческие и иные интересы, Китай параллельно оказывает давление на центральноазиатские государства с целью ограничить присутствие на их территории различных групп уйгурских эмигрантов, обвиняя их в подпольной сепаратистской деятельности. Синьцзян-Уйгурский автономный округ – территория, где давно зреют сепаратистские настроения – граничит с Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном, Афганистаном и Пакистаном.

«На политическом поле вокруг Центральной Азии все взаимосвязано: если что-то произойдет в Центральной Азии, то это способно дестабилизировать обстановку не только в Китае или в Афганистане, но и в более стабильных государствах – в Турции, в Иране, в той же России. И наоборот, если произойдет какая-то междоусобная вспышка в Синьцзяне, то это отразится и в центральноазиатском регионе», - считает Сыроежкин.

ПЕРСПЕКТИВЫ АМЕРИКАНСКОГО ПРИСУТСТВИЯ

Лишь немногие из собеседников IWPR полагают, что США уйдут из региона после завершения афганской фазы «войны с террором».

Судя по заявлениям чиновников американской администрации, следующим этапом для США является установление со странами Центральной Азии долгосрочных партнерств в области безопасности, что подразумевает доступ к военным объектам. Дональд Рамсфельд обсудил эту идею с президентом Узбекистана Каримовым, после чего заявил журналистам: «Мы не планируем создавать в этой части Земного шара постоянные военные базы. Мы с нашими друзьями и

союзниками обсуждали вопрос создания так называемых “оперативных объектов”. Это - временные объекты, куда США и страны коалиции будут иметь периодический целевой доступ и где им будет оказываться поддержка».

А согласно заявлению Лорна Крейнера, Госдепартамент США будет продолжать уделять основное внимание вопросам демократии и защиты прав человека в Центральной Азии. «Из всех регионов мира мне по роду деятельности чаще всего приходится бывать в Центральной Азии. Узбекистан я посещаю чаще других стран региона, - сказал он. - И всякий раз я даю ясно понять как руководству этой страны, так и - я надеюсь - ее населению, что наша основная забота - обеспечить улучшение положения с демократией и правами человека в Центральной Азии. И в этом мы не голословны: мы оказываем большую помощь - вполне материальную - в связи с этой работой. Население региона должно об этом знать».

Вопрос только в том, соответствуют ли задачи Госдепартамента целям политики центральноазиатских режимов, понимают ли региональные элиты, что политические и экономические реформы - не второстепенны по отношению к вопросам безопасности. Кроме того, если даже они признают это, но не доводят сведений об этом до своего населения и не дают это делать средствам массовой информации, истинные намерения США представляются людям в искаженном виде. Не даром многие из респондентов IWPR высказываются в том смысле, что продолжающиеся репрессии в сочетании с нежеланием правительств решать проблемы бедности и регионального сотрудничества чреваты дестабилизацией обстановки, чего США всеми силами стараются избежать.

«Мне представляется, что США заинтересованы в том, чтобы закрепиться в Центральной Азии по крайней мере в средне-долгосрочной перспективе, - говорит сотрудник НПО «Хьюман райтс уотч» Акейша Шилдс. - Но мне кажется, США будут чувствовать себя в регионе все более неуютно, так как местные режимы не желают уступить ни в чем».

Данный репортаж и интервью для него подготовлены совместными усилиями сотрудников и корреспондентов IWPR в Центральной Азии: Рашид Абдулло, политический обозреватель (Душанбе, Таджикистан); Айнагуль Адильбаева, независимый журналист из Алматы (Казахстан); Гульнора Амиршоева, независимый журналист из Душанбе; Галима Бухарбаева, директор IWPR по Узбекистану; Наталия Домагальская, независимый журналист из Бишкека (Кыргызстан); Даур Досыбиев, редактор шымкентской газеты «Рабат» (Казахстан); Лидия Исамова, директор IWPR по Таджикистану; Чинара Жакыпова, директор IWPR по Кыргызстану; Эдуард Полетаев, директор IWPR по Казахстану; Лейла Саралаева, независимый журналист из Бишкека. Дополнительные интервью проводили исполнительный директор IWPR Йигал Чазан, стажер-редактор IWPR Майк Фаркухар и редактор IWPR в Лондоне Элисон Фрибэйрн. Редакция: руководитель центрально-азиатского проекта IWPR Сауле Мухаметрахимова. Составление материала: старший редактор Джон МакЛеод.

Focus: [Central Asia](#)

Source URL: <https://iwpr.net/ru/global-voices/plody-politiki-ssha-v-centralnoy-azii>